

А.Н.Окара
**«ЧЕТВЕРТАЯ ВЛАСТЬ»
 МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ
 И ГОСУДАРСТВОМ**
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ
 КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО КЛАССА
 СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (I)**

Ключевые слова: политическая журналистика, политический класс, новые медиа, журналистские жанры, информационно-психологическая война

Публичная информация приобрела определяющее значение еще в индустриальном обществе. Изобретение книгопечатания и появление газет позволило обмениваться мыслями и суждениями в отсутствие собеседника, что привело к созданию информационного пространства, общественного мнения и публичной сферы. Это, в свою очередь, стало одной из важнейших предпосылок формирования проекта Большого Модерна и его составных частей — новой (рациональной) картины мира, современности как концепта, национальных государств, политических наций, гражданского общества и т.д.

В условиях постиндустриального информационного общества роль массовой коммуникации, публичной информации, информационного пространства, общественно-политического дискурса, а также интернета как новой коммуникационной среды становится исключительной. Согласно распространенной точке зрения, социальный строй и историю в целом меняет не только развитие средств материального производства, но и совершенствование средств коммуникации¹. И ключевое культурное изменение при переходе от индустриального общества к информационному — это не смерть книги и печатных «бумажных» изданий, а разрыв с принципом линейной медийной коммуникации², возникновение гибридной гипертекстовой формы.

Правомерно предположить, что в подобных условиях возрастает и влияние политических журналистов — на социально-политическую реальность в целом и на отношения по поводу получения, удержания и использования политической власти в частности. Однако теперь они выступают уже не только в роли посредников между информацией и обществом, но и в качестве операторов массовой коммуникации, менеджеров и «фильтров» информационных потоков, «солдат», «офицеров»

¹ Первым данную гипотезу высказал известный канадский исследователь медиа Маршалл Маклюэн (см. Маклюэн [McLuhan] 2003).

² Хартман [Hartmann] б.г.

и «генералов» информационно-психологических войн, создателей виртуальной реальности, мифотворцев и хозяев «карнавала».

Ниже предпринята попытка осмыслить роль политической журналистики в общественной жизни современной России, а также место политических журналистов в структуре российского политического класса.

**Место
политических
журналистов
в структуре
политического
класса**

³ Вебер [Weber]
1990: 653.

Согласно определению Макса Вебера, политический класс — это профессиональное сообщество людей, живущих «для политики» и «за счет политики» (в отличие от политиков «по случаю» и «по совместительству»)³. Однако в различных национальных политических системах и в разные исторические эпохи структура этого класса неодинакова: где-то более сильным актором является исполнительная власть, где-то — законодательная. В одних политических системах политические партии структурируют общество, в других — имеют декоративный характер; в одних политтехнологи, политологи и политические журналисты влияют на суть принимаемых политических решений, в других — занимаются обслуживанием власти.

Политический класс современной России молод — он существует не более двух десятков лет. В Советском Союзе политическое управление было подменено административно-бюрократическим, поэтому нынешний российский политический класс не имеет генетического преемства с классом советской номенклатуры, хотя многие действующие политики начинали свои карьеры в советские времена — в партаппарате, комсомоле, КГБ, структурах Академии наук и др.

Политический класс и политические институты в России сформировались буквально в последние два десятилетия — постепенно появлялись парламент и депутаты, политические партии и независимые профсоюзы, всенародно избираемый президент и назначаемый премьер-министр, Конституционный суд и система арбитражных и административных судов, рыночная экономика и ее институты, а также политтехнологи, политические эксперты, кафедры политологии, кандидаты и доктора политических наук. И еще: на смену немногочисленным советским политобозревателям пришло новое профессиональное сообщество — журналисты, специализирующиеся на политической тематике. Ничего этого в СССР не было, хотя политологическими (или околполитологическими) исследованиями в советские времена можно было заниматься в рамках некоторых идеологизированных научных дисциплин (история КПСС, новая и новейшая история, научный коммунизм, прикладная социология, международные отношения, конституционное право, теория государства и права, история политико-правовых учений).

Существующий на данный момент в России политический класс можно подразделить на три больших структурообразующих сообщества — в зависимости от степени их влияния на выработку и принятие политически значимых решений.

Во-первых, это политики и государственные чиновники, непосредственно принимающие политические решения. Разумеется, их влияние может быть как реальным, так и номинальным. Они могут быть как публичными, так и непубличными, как назначаемыми, так и избираемыми. Особенностью российской политической системы является моноцентризм власти, отсутствие реального разделения властей, перекос в сторону доминирования исполнительной ветви власти над законодательной, отсутствие полиархии и уничтожение любых ее предпосылок действующей властной элитой. К высшему эшелону этого сообщества следует причислить президента, премьер-министра, федеральных министров, депутатов Государственной Думы и Совета Федерации, судей Конституционного и Верховного судов, губернаторов (глав регионов), руководство провластных политических партий, а также верхушку силовой элиты.

Во-вторых, это представители групп интересов, прямо влияющие на выработку и принятие политических решений. Прежде всего это корпоративные элиты — крупные и средние предприниматели, олигархи, топ-менеджеры больших корпораций, а также влиятельные и авторитетные в деловой среде фигуры, не имеющие формального статуса. Сюда же уместно отнести и политическую контрэлиту, не включенную в систему государственной власти, но оказывающую влияние на политический процесс, — лидеров оппозиционных непарламентских партий, общественных движений и независимых профсоюзов. К тому же слою можно причислить и глав традиционных для России религиозных конфессий, в первую очередь патриарха Московского и Всея Руси. Вместе с тем та роль, которую в последние годы играет патриарх в общественно-политической жизни страны, дает основания включить его и в число лиц, непосредственно принимающих политические решения.

В-третьих, это представители социально и гуманитарно ориентированных интеллектуальных профессий, обеспечивающие политический процесс и косвенно влияющие на выработку и принятие политических решений. Это экспертное сообщество — научные работники в сфере общественных дисциплин (социологи, политологи, юристы, философы, психологи, экономисты), сотрудники аналитических организаций, рекламных и PR-агентств, политтехнологи, собственники и главные редакторы СМИ, политические журналисты (как штатные, так и внештатные), пресс-секретари и сотрудники пресс-служб политиков, политических партий, государственных органов и корпораций.

Принципиальное различие между политическими журналистами, с одной стороны, и политологами, политконсультантами и политтехнологами, с другой, состоит в публичности первых и непубличности вторых. Если аудитория, к которой обращаются журналисты, — это все общество (все читатели, все телезрители, все радиослушатели), а также вся власть и все политики, то аудитория политологов, политконсультантов и политтехнологов — конкретные политические фигуры или политические партии. Конечно, политические эксперты тоже могут обращаться

со своими заключениями и комментариями ко всему обществу через СМИ, однако в этом случае они выступают либо как журналисты, либо как публичные интеллектуалы.

Таким образом, с точки зрения участия в выработке и принятии политических решений политический класс можно представить в виде системы концентрических окружностей: в центре находятся те, кто непосредственно принимает политические решения; на ближайшей орбите — те, кто эти решения лоббирует и иницирует, но не имеет возможности непосредственно принимать; на отдаленных орбитах — те, кто эти решения инспирирует, вырабатывает, анализирует, публично и кулуарно обсуждает, а также пропагандирует в масштабах всего информационного пространства.

Как видим, понятие политического класса шире, чем понятие политической элиты: к политическому классу уместно причислить всех тех, чья профессиональная деятельность связана с политическим процессом, тогда как политическая элита — это ядро политического класса (состоящее прежде всего из бенефициаров политического процесса), вокруг которого вращаются все остальные.

**Структура
сообщества
политических
журналистов**

Само сообщество политических журналистов неоднородно. Его членов можно классифицировать по самым разным основаниям: специализации (информационщики и аналитики), месту работы («газета влияния», развлекательное СМИ), характеру высшего образования (журналистское, гуманитарное нежурналистское, негуманитарное), профессиональным приоритетам (выгода vs. принципы), уровню ангажированности (репутация продажного, независимого или псевдонезависимого автора), географическому признаку (столица или регион), политическим установкам (провластные, оппозиционные, партийные), идеологической позиции (сторонники либеральных, консервативных, социал-демократических и других идеологем), наличию или отсутствию широкой известности (лидеры общественного мнения — рядовые журналисты), степени влияния на принятие политических решений и т.д.

Иван Засурский выделяет в российской информационной системе четыре структурных уровня, в соответствии с которыми можно разделить и сообщество политических журналистов. Первый уровень составляют федеральные телеканалы и «газеты влияния», поставляющие для прочих СМИ повестку дня, аргументацию и интерпретации; второй — коммерческие издания и телерадиокомпании, не имеющие общенационального покрытия; третий — региональные печатные и электронные СМИ; четвертый — интернет-СМИ⁴.

К сообществу политических журналистов следует отнести главных редакторов СМИ, редакторов (руководителей) политических (общественно-политических) отделов, обозревателей и корреспондентов. Отдельную категорию образуют фрилансеры («вольные художники») — авторы, не связанные трудовыми отношениями и какими-либо

⁴ Засурский [Zasursky] 1999: 134—135.

обязательствами с конкретным СМИ, но систематически и на профессиональном уровне пишущие на политические темы (как правило, сотрудничая одновременно с несколькими изданиями, нередко — за символический гонорар).

Сложно провести четкую грань между политическими журналистами и политическими экспертами, занимающимися фундаментальными и прикладными исследованиями в области социогуманитарных наук и регулярно публикующими в СМИ материалы (аналитические статьи, комментарии, интервью) по актуальным политическим проблемам. Чаще всего в роли журналистов-фрилансеров выступают именно политические эксперты и политические активисты.

Открытым остается вопрос о принадлежности к сообществу политических журналистов издателей и собственников СМИ и медиахолдингов — ответ на него зависит от конкретной ситуации. Издателя или собственника, определяющего информационную политику своего СМИ, ведущего с его помощью информационные войны, отстаивающего те или иные ценности либо политические и корпоративные интересы, а тем более самостоятельно руководящего работой редакции, следует считать и политиком, и политическим журналистом одновременно. Нередко политиками, а не только журналистами оказываются и главные редакторы особо влиятельных и максимально независимых от власти СМИ. Если же издатель или собственник рассматривает принадлежащее ему издание исключительно как бизнес-проект, не имеющий ни выраженной позиции, ни специфических политических амбиций, где политическая тема присутствует лишь в общеописательном формате, то он не политик и не журналист, а коммерсант. Впрочем, как показывает практика, в кризисные для страны моменты именно сугубо коммерческие и «желтые» издания легче всего превращаются в орудия информационной войны.

По мнению Виталия Третьякова, к политикам правомерно причислить и некоторых популярных политических журналистов (прежде всего телевизионных), оказывающих прямое влияние на политический процесс: «Все очень известные журналисты, работающие на аудиторию в десятки миллионов человек в сфере политической журналистики, выступающие одновременно как хотя бы эксперты власти (или оппозиции), не говоря уже о большем, являются политиками. Без всяких оговорок»⁵. Не случайно они попадают в рейтинги самых влиятельных политиков России, не случайно с ними борются именно как с политиками, а не как с обычными журналистами. Среди наиболее ярких примеров «журналистов-политиков» стоит упомянуть Евгения Киселева и Сергея Доренко, имея в виду их профессиональную деятельность во второй половине 1990-х годов, в период информационных войн между конкурирующими политическими кланами и медиахолдингами, контролируемые Владимиром Гусинским (НТВ) и Борисом Березовским (ОРТ). Во время российско-украинской информационно-психологической войны 2013—2014 гг. в амплуа «журналиста-политика»

⁵ Третьяков
[Tret'jakov] 2004:
552.

выступила целая когорта российских «телеястребов» — ведущих политических программ на федеральных каналах: Дмитрий Киселев, Михаил Леонтьев, Владимир Соловьев, Аркадий Мамонтов, Алексей Пушков.

Эта информационно-психологическая война породила в российском журналистском сообществе дискуссию о журналистской этике, журналистских стандартах и об отличии журналистики от пропаганды. С точки зрения канонов журналистской профессии независимая журналистика и пропаганда — это два разных способа обращения с информацией, два разных типа дискурса, две разные моральные установки, две разные профессии. Однако с точки зрения структуры политического класса разница между функциями пропагандиста и журналиста несущественна, она касается лишь степени творческой свободы: пропагандист выполняет политический заказ на заранее заданную трактовку описываемых событий, тогда как журналист может претендовать на определение повестки дня, собственное целеполагание и независимую интерпретацию информации.

«Журналистами-политиками» можно назвать и тех представителей профессии, которые становятся влиятельными политическими активистами, оставаясь при этом журналистами. Так, в ноябре 2013 г. в Киеве именно ведущие украинские оппозиционные политические журналисты выступили организаторами первого «Евромайдана», с которого начались все последующие революционные события (Мустафа Найем, Сергей Лещенко, Татьяна Чорновол, Егор Соболев, Виталий Портников и др.).

В отдельных случаях к сообществу политических журналистов уместно причислить пресс-секретарей и сотрудников пресс-служб различных политиков, политических партий и государственных органов, хотя эта профессия не носит публичного характера и в большей степени относится к сфере пиара и политтехнологий.

С развитием интернета появился феномен блогеров — самодеятельных журналистов, которые являются не только независимыми авторами, но и независимыми редакторами и публикаторами, используя для этого блогосферу, социальные сети, собственные сайты, небольшие интернет-страницы. Изначально формирование блогосферы было связано с проектом «Живой Журнал» (livejournal.com); вскоре многие влиятельные интернет-издания политической направленности обзавелись собственными блог-платформами и сообществами блогеров. Не будучи в состоянии гарантировать достоверность информации, блогер интересен прежде всего в качестве носителя собственного оригинального мнения, собственной позиции, собственной интерпретации событий — то ли экспертной, то ли обывательской.

Если блогеру удастся стать узнаваемым, собирая вокруг своего блога устойчивую и достаточно массовую аудиторию (в российской блогосфере успехом считается стабильная аудитория более тысячи человек), если информацию или оценочные суждения из блога цитируют

традиционные СМИ, если публикации в блоге дают толчок политическим скандалам, значит, блог утвердился в качестве субъекта информационного пространства. Статус политического журналиста-блогера может стать ступенью к политической карьере: так, едва ли не самый влиятельный представитель российской «внесистемной» оппозиции Алексей Навальный начал набирать сколько-нибудь заметный политический вес именно как блогер, занимающийся разоблачениями коррупции в госаппарате. Созданный Навальным интернет-ресурс «РосПил» (rospil.info), направленный на выявление и изобличение коррупционеров, превратился в действенный механизм «обратной связи» между обществом и государством — его влияние на общественное мнение, усиленное резонансом в общенациональных медиа, оказалось весьма значительным и привело к отставке ряда политиков и чиновников.

Грандиозные политические скандалы, связанные с публикацией в 2010 г. блогером и хакером Джулианом Ассанжем на сайте «WikiLeaks» (wikileaks.org) миллионов документов, принадлежащих американским спецслужбам и государственным органам, и с обнародованием в 2013 г. бывшим сотрудником ЦРУ Эдвардом Сноуденом секретной информации о слежке американских спецслужб за гражданами разных стран по всему миру, — яркие примеры той роли, которую в условиях информационного общества могут играть независимые политические журналисты. Это роль «информационных партизан», способных не только противопоставить себя большим сложноорганизованным системам (государствам, корпорациям, международным организациям), но и причинить им существенный вред, нащупав слабые места и «точки неравновесия» в их структуре. В индустриальном обществе инициаторами подобных скандалов выступали не одиночки, а мощные медийные корпорации. О «новой силе медиа» заговорили после Уотергейтского скандала (1972—1974), в результате которого добровольно ушел в отставку (впервые в американской истории!) президент США Ричард Никсон. По замечанию Самуэля Хантингтона, «в двух самых драматических внутривнутриполитических конфликтах периода администрации Никсона — конфликтах, вызванных опубликованием документов Пентагона и Уотергейтом, — средства массовой информации страны бросили вызов и нанесли поражение главе исполнительной власти. Пресса фактически сыграла ведущую роль в том, что до сих пор не удавалось ни одному отдельно взятому институту, группировке или комбинации институтов и групп в американской истории, — лишить президента своего поста»⁶.

⁶ Crozier, Huntington, Watanuki 1975: 99—100.

Российские власти и сотрудничающие с ними политтехнологи со временем оценили уровень влияния независимых блогеров на формирование общественного мнения (особенно в среде городской интеллигенции и среднего класса) в условиях «двусторонней коммуникации» и стали использовать их потенциал в своих целях, создав им систему мотиваций (финансовая заинтересованность, карьерное продвижение и др.). Мануэль Кастельс называет этот процесс «осознанием предста-

⁷ Castells 2007: 259.

вителями правящих элит необходимости вступить в борьбу за сети горизонтальной коммуникации»⁷. Так появилась категория формально независимых блогеров — известных в сетевом сообществе авторов, публично отстаивающих интересы отдельных представителей политической элиты или власти в целом, а также прокремлевскую точку зрения и повестку дня. Как правило, не будучи абсолютными адептами власти, провластные блогеры необходимым ей образом проблематизируют важные для нее темы и деактуализируют темы нежелательные.

⁸ *Федеральный закон [Federal'nyj zakon] 2014.*

Тем не менее восприятие блогеров как «партизан информационной войны», представляющих опасность для политической системы, сохраняется, поэтому политика «пряника» (финансовой и карьерной мотивации) по отношению к ним сочетается с политикой «кнута» (законотворительного ограничения деятельности). Так, 1 августа 2014 г. вступил в силу закон, в соответствии с которым любой российский блогер, чья страница в интернете набирает за сутки свыше 3 тыс. посещений, фактически приравнивается к журналисту⁸ (речь идет, правда, только об ответственности, но не о правах по сбору информации). Для такого автора устанавливается порядок обязательной идентификации личности и вводятся административные санкции за уклонение от регистрации блога.

⁹ *Яковенко [Jakovenko] 2014.*

По мнению некоторых медиа-экспертов, начиная с 2000-х годов государство в России расправляется с независимой журналистикой, вытесняя ее из больших СМИ в интернет и блогосферу⁹. Независимым журналистам, не согласным на роль пропагандистов, по сути, не остается ничего иного, кроме как превратиться в блогеров.

Блогеров не следует путать со специально нанятыми людьми, которые воздействуют на информационное пространство механически — путем распространения «народных» комментариев с заданными интерпретациями и словесными конструкциями (как правило, это безоговорочная поддержка власти и жесткая критика, доходящая до брани и оскорблений, в адрес ее оппонентов).

В последние годы широкое распространение получили новые медиа, в частности социальные сети, самыми влиятельными из которых в политической и околополитической среде считаются Facebook и Twitter. Они качественно изменили информационное пространство и саму природу политической коммуникации, делая потребление информации более индивидуализированным и рефлексивным и стирая грани между производителями информации и аудиторией, между представителями власти и общества, между элитой и внеэлитными группами. Сегодня даже небольшие высказывания и реплики политиков в социальных сетях по частному вопросу цитируются в СМИ, становятся поводом для полемики, а то и для политического скандала. В экстремальных условиях (война, вооруженный конфликт, теракт, стихийное бедствие, чрезвычайное происшествие), когда доступ журналистов к тому или иному политику затруднен, его записи на собственной странице в сети Facebook или Twitter оказываются кратчайшим путем донесения до «больших» СМИ и общества в целом сверхважной информации.

Вопрос о принадлежности политических журналистов к элите не имеет однозначного ответа. К ключевым признакам вхождения в элиту принято относить участие в выработке и принятии стратегически значимых решений при опоре на собственные ресурсы. Среди ресурсов обычно выделяют финансовый (деньги), экономический, политический, административный, геополитический, символический, культурный и т.д. Отдельным и крайне важным ресурсом элиты является медийный ресурс, то есть средства массовой информации — место постоянной работы политических журналистов. Поэтому, с точки зрения элитных сообществ, политические журналисты не часть элиты, а наемные работники, которые за деньги пишут (говорят, показывают) то, что им заказывают издатели, собственники и главные редакторы газет, радио- и телеканалов, интернет-изданий и информационных агентств. И не пишут того, чего не следует (по мнению элиты) писать.

Однако сами политические журналисты рассматривают себя в качестве вполне самостоятельных акторов политического процесса, и многие из них относят себя к элите (как минимум — к невидимой ее части). Ведь они не только развлекают, информируют и просвещают общество, но и обеспечивают легитимность политического режима и устойчивость политической системы. Ведь именно они в ходе предвыборных кампаний убеждают избирателей голосовать за того или иного кандидата в депутаты, мэры, губернаторы и президенты. Ведь это благодаря их журналистским расследованиям снимают высокопоставленных чиновников и даже заводят против них уголовные дела. Ведь это благодаря их работе население не бунтует и сохраняет лояльность власти. Ведь это именно они в случае войны создают специфическую общественную атмосферу, в которой убийство противника воспринимается как нечто обыденное. И именно они, журналисты, контролируют главный в постиндустриальном обществе ресурс — информационный. Тем более что в связи с развитием новых медиа, интернет-журналистики и переходом от односторонней коммуникации к многосторонней журналисты становятся всё более независимыми от собственников СМИ. Разумеется, журналисту можно запретить писать (говорить) на неудобные власти темы. Но он может открыть собственное малобюджетное интернет-издание или даже телеканал. А может перейти в другое — конкурирующее — СМИ, где продолжит заниматься своими расследованиями и разоблачениями. Если, конечно, в данном конкретном обществе есть конкуренция между СМИ, есть свобода слова и множественность позиций — и нет политической цензуры.

Журналистика в целом, и прежде всего политическая, попала в новую ситуацию — ситуацию всеобщей доступности информации, ситуацию отсутствия монополии на информацию у профессиональных операторов (СМИ и журналистов). Однако в информационном обществе иной приоритет проблем — не доставка и получение информации, а ее фильтрация (включая проверку на достоверность) и интерпретация.

Интернет и современные цифровые технологии не убивают профессиональную журналистику, но делают ее более оперативной, вездусущей, индивидуализированной, создают обратную связь с читателями и зрителями, заставляют искать новые форматы деятельности, новые цифровые платформы. В таких условиях роль профессионального журналиста, способного ориентироваться — и ориентировать других — в колоссальном информационном потоке, верифицировать поступающие сведения и имеющего возможность делать публичной труднодоступную информацию, даже возрастает.

В советской политической системе журналистика представляла собой мощную пропагандистско-идеологическую машину, призванную, в соответствии с принципом партийности, служить власти (государству и КПСС). Ни о какой свободе слова, множественности точек зрения или конкуренции СМИ речь тогда не шла; одним из базовых курсов в системе журналистского образования была теория и практика партийной и советской печати. Ведущие политжурналисты — политические обозреватели Центрального телевидения и Всесоюзного радио СССР, памятные, в частности, по программе «Международная панорама» (Валентин Зорин, Фарид Сейфуль-Мулюков, Всеволод Овчинников, Игорь Фесуненко, Генрих Боровик, Александр Бовин), редакция журнала «Коммунист», редакторы газет «Правда» и «Известия» принадлежали к одной из самых высоких номенклатурных прослоек. При этом степень их личной свободы была выше, чем даже у влиятельных партийных функционеров, не говоря о простых советских гражданах (возможность ездить по миру, свободный рабочий график, приравнение журналистики к творческой деятельности, относительно высокие доходы, спецобслуживание и т.д.). И все же говорить об их субъектности — на уровне ли профессионального сообщества в целом, отдельного издания или личностном — не приходится. Всевидящее око идеологической цензуры следило настолько зорко, что любые критические выпады на «эзоповом языке» в адрес советской действительности воспринимались в интеллигентской среде как проявления мужества и героизма.

Советские журналисты были не конкурирующими между собой искателями новостей и сенсаций, а «жрецами истины», «приводными ремнями» идеологической машины. Во всяком случае, именно к этому их подталкивал принцип партийности. Поскольку новизна и достоверность информации не являлись главными критериями в их деятельности, некоторые исследователи склонны усматривать в советской журналистике не хотя бы отдаленный аналог западной журналистики, а качественно иной феномен — своеобразное продолжение традиций русской классической литературы: «Если литература выходит почему-то на газетной бумаге большим форматом, она остается литературой... Анатолий Аграновский — не журналист... Он — писатель. Он литератор, назовем это так, работающий в странном издании, выходящем форматом А-2 на газетной бумаге... Аграновскому не нужно было никогда, ни для одного текста непосредственного доступа к информации.

Ему нужен был доступ к людям, характерам, судьбам, обстоятельствам и к чему угодно еще. Вся информация, которая содержится в его текстах, опосредованная. Никогда он не выяснял в своей жизни ничего... Он вел блестящие разговоры с чрезвычайно интересными людьми и великолепно их описывал»¹⁰. В условиях цензуры и идеологического диктата советским журналистам приходилось формулировать свое отношение к описываемым событиям на «эзоповом языке», что снижало информативность журналистики и повышало уровень ее беллетризованности¹¹.

¹⁰ Пархоменко [Parkhomenko] 2000: 388—389.

¹¹ В целом это характерно и для дореволюционной журналистики — по крайней мере, до 1905 г. Примечательно, что в словаре Владимира Даля журналистика определяется как «срочная словесность» (Даль [Dal'] 1994: 1368).

Советская квазипубличная сфера была не местом для общественной дискуссии по принципиальным вопросам жизни и развития страны, но местом монолога власти перед обществом. Именно поэтому журналисты (прежде всего политические) в СССР считались «приводным ремнем» КПСС и советского государства.

Но с приходом перестройки и гласности все изменилось. В конце 1980-х — начале 1990-х годов политические журналисты стали настоящими «властителями дум», субъектом нарождавшегося политического процесса, инструментом политической модернизации страны. Некоторые даже попытались сделать карьеру в политике — были избраны народными депутатами СССР, РСФСР, Российской Федерации (Виталий Коротич, Алла Ярошинская, Александр Политковский, Александр Невзоров, Александр Хинштейн и др.).

В постсоветской России с политическими журналистами произошла очередная метаморфоза: из советских «служителей культа» и перестроечных «властителей дум» они превратились в профессиональное сообщество, конкуренция внутри которого строится прежде всего по экономическим законам. Постепенно внедрялись западные стандарты журналистики, предполагавшие наличие в материалах как минимум двух противоположных точек зрения. Важнейшим условием самоокупаемости и прибыльности СМИ оказалась коммерческая и политическая реклама, чего не было ни в советской, ни в перестроечной журналистике. В этой ситуации профессия политического журналиста стала вполне «буржуазной» — хотя подчас и опасной для жизни и здоровья.

Политический режим 1990-х годов, который можно определить как конкурентную олигархию, соответствующим образом выстроил и систему СМИ. Большинство крупных финансово-промышленных группировок обзавелось своими газетами, телеканалами и даже медиахолдингами, конкуренция между которыми выстраивалась не только по принципу клановой принадлежности, но и с учетом идеологических приоритетов. Вторая половина 1990-х годов запомнилась именно информационными войнами, самая памятная среди которых — между телеканалами ОРТ (Березовский) и НТВ (Гусинский). В подобных условиях практически любой политический журналист мог найти работу, которая не заставляла бы его идти на сделку с совестью и писать (говорить, показывать) то, что не соответствует его убеждениям, идеологическим предпочтениям или представлениям о добре и зле.

В нынешней России социальный статус политических журналистов дифференцирован, при этом число высокооплачиваемых представителей профессии сравнительно невелико. Поэтому, в отличие от развитых западных стран, где политический журналист обычно дорожит своим местом, общественным положением и репутацией, в российских реалиях подкуп журналистов и редакторов («джинса», «черный пиар», публикация заказных оплаченных статей без отметки «на правах рекламы») — правило, а не исключение. Чем меньше и беднее газета, чем зависимее она от административного аппарата, тем легче ее сотрудники поддаются на подкуп. Впрочем, в ряде московских «газет влияния» и аналитических журналов ведется жесткая борьба с подобного рода практикой (через контроль над непредвзятостью авторской позиции в материалах, отслеживание каналов возможной ангажированности, увольнение ангажированных журналистов и т.д.). В основе стратегии таких СМИ лежит понимание того, что репутация и доверие аудитории — их главный капитал и что появление ангажированных материалов наносит ущерб изданию и превращает работающих в нем журналистов из хозяев и субъектов информационного пространства в наемных работников, обслуживающих чужие интересы.

Даже известные и высокооплачиваемые журналисты, которые, казалось бы, могут позволить себе любую степень профессиональной свободы, часто оказываются связанными определенными договоренностями и форматными рамками — корпоративными, клановыми, политическими или идеологическими. Они могут всячески маскировать свою предвзятость — например, с аналитических статей переключиться на интервью с политиками. Но для политического журналиста не задавать политику неудобных вопросов — это тоже признак ангажированности.

Во второй половине 1990-х годов свобода слова фактически ограничивалась интересами собственников СМИ — корпораций и олигархов. Однако политический режим позволил информационному пространству сохранить определенную степень конкурентности. В путинской России выстраивание «вертикали власти» сопровождалось уменьшением конкуренции в информационном поле и ростом ограничений цензурного характера (прежде всего в форме сигналов о нежелательности присутствия тех или иных тем, сюжетов, интерпретаций и персон в массовых СМИ, в первую очередь на федеральных телеканалах). Работал принцип: чем тиражнее издание, чем массовее зритель у телеканала, чем к более простой и незамысловатой аудитории обращено СМИ, тем жестче цензурный контроль со стороны власти.

В этих условиях большинство статусных политических журналистов, дабы продемонстрировать лояльность по отношению к политическому режиму, вынуждено прибегать к тематическим, идеологическим и стилистическим самоограничениям. Журналисты-нонконформисты постепенно маргинализируются — им приходится мириться с сужением аудитории, уходом из тиражной газеты или крупного телеканала, усложнением условий работы. Для немногочисленных откровенно оппози-

ционных изданий, нередко привлекающих средства из-за рубежа или (негласно) от российского бизнеса, характерен сходный тип самоограничения журналистов, но с иным дизайном ангажированных установок: о власти (Кремле, Владимире Путине, «Единой России») и проводимой ею политике предлагается говорить и писать либо резко критически, либо никак. Впрочем, сами журналисты этих изданий, как правило, на цензуру не жалуются, утверждая, что в редакции собрались единомышленники, критически оценивающие политику власти.

По всей видимости, в современных российских реалиях частью политической элиты следует считать лишь главных редакторов и собственников тех СМИ, которые оказывают существенное воздействие на политическую коммуникацию и политический процесс. К элите можно причислить и отдельных влиятельных и высокооплачиваемых журналистов. Абсолютное же большинство членов журналистского сообщества уместно рассматривать как представителей внеэлитных социальных слоев, прежде всего среднего класса.

В постсоветской России профессия политического журналиста относится к числу самых рискованных. Так, по данным Фонда защиты гласности и Центра экстремальной журналистики при Союзе журналистов России за два постсоветских десятилетия в стране погибло более 200 журналистов¹². В рейтингах международных организаций, защищающих права журналистов, РФ стабильно занимает верхние строчки как страна, в которой журналистская деятельность представляет опасность для жизни и здоровья¹³. Характерно, что практически все погибшие журналисты специализировались именно на политической тематике и были убиты по политическим мотивам. Среди наиболее резонансных заказных убийств 1990—2000-х годов можно упомянуть убийства Дмитрия Холодова, Ларисы Юдиной, Юрия Щекочихина, Пола Хлебникова, Анны Политковской, Магомед-Евлоева, Натальи Эстемировой.

Однако ни одно из убийств российских журналистов не имело глубоких социально-политических последствий, подобных тем, к которым привело в Украине убийство в 2000 г. политического журналиста Георгия Гонгадзе, давшее толчок широкой общественно-политической акции «Украина без Кучмы». Эти события чуть было не стали причиной отставки президента и явились прелюдией Оранжевой революции 2004 г.

¹² Точные цифры колеблются в зависимости от методики подсчета (см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_журналистов,_убитых_в_России).

¹³ *Exiled Journalists 2007*.

Политические журналисты: слуги власти или властители дискурса?

Главный вопрос, возникающий в связи с определением места политических журналистов в структуре политического класса, касается именно их функций и подлинной роли в процессе управления. Кто они — объекты или субъекты политического процесса? Слуги власти, ее инструмент (надежный или не очень), литературные «негры», посредники, транслирующие решения элиты на уровень массового сознания, представители «второй древнейшей» профессии — либо, напротив, добытчики информации, создатели смыслов, властители дискурса,

менеджеры виртуальной реальности, манипулирующие общественным мнением, «бойцы» и «генералы» «невидимого фронта»? Либо они — посредники между властью и обществом, инструмент социального самопознания, датчик, барометр, нерв, сигнализирующий, что общество и государство больны и находятся в критической ситуации? Каково их подлинное влияние на характер принимаемых политических решений?

Представляется, что универсальной модели отношений между властью и политическими журналистами не существует. Журналист может быть и пропагандистом, безропотным слугой власти (или оппозиции), конъюнктурным ретранслятором в медиaprостранстве ангажированной точки зрения. Но он может быть и бескомпромиссным борцом за справедливость, разоблачителем коррупции и иных злоупотреблений правящих кругов. И причина тут не только в принадлежности большинства влиятельных СМИ и медиахолдингов «сырьевым» финансово-промышленным корпорациям, что явно не способствует развитию независимого гражданского общества, свободы слова и иных гражданских свобод.

Отношения политиков и политических журналистов асимметричны: каждый из них зависит от другого, каждый обладает и собственным уникальным ресурсом (политики — деньгами и властью, журналисты — силой слова, даром убеждения и публичностью), и собственной уязвимостью (для политиков это ограниченная возможность публичного воздействия, для журналистов — социальная, финансовая и физическая незащищенность). То есть у политиков есть ресурс «жесткой власти» (hard power), а у журналистов — ресурс «мягкой власти» (soft power). Журналисты не могут возбудить уголовное дело против политика, вызвать его на допрос, принудить к каким бы то ни было действиям. Но они могут публично вопрошать — задавать власти вопросы и требовать ответа на них¹⁴. А это бывает ничуть не менее страшно, чем возбуждение уголовного дела. Журналисты придают событию публичный статус, превращают его в медианарратив. Не замеченное СМИ событие, даже очень важное, остается за пределами общественного внимания: в современном мире работает принцип — существует только то, что показали по телевизору и о чем написали в газетах и интернете. СМИ зависят от власти политически и финансово, для власти же СМИ — единственный канал коммуникации с обществом.

Лидия Тимофеева предлагает гармонизировать эту взаимную зависимость журналистов и политиков. В руках власти могут находиться все без исключения ресурсы, включая СМИ, тогда как у прессы только один ресурс — общественное мнение. Чем оно сильнее, развитее, тем мощнее власть прессы — именно на этом зиждется представление о СМИ как о «четвертой власти». Но поскольку СМИ берут на себя функцию контроля над государством и обществом, то и они сами, по мнению Тимофеевой, нуждаются в контроле. «Обеспечение прозрачности деятельности СМИ, создание всевозможных наблюдательных общественных советов

¹⁴ Черных
[Chernykh] 2007:
270.

на телевидении и в печати, составление общественностью рейтингов самых объективных средств массовой информации и присуждение журналистам заслуженных наград на этом поприще, очевидно, наверняка изменит ситуацию к лучшему», — считает она¹⁵.

¹⁵ Черных
[Chernykh] 2007:
270.

Риски политиков, связанные с деятельностью журналистов:

- разоблачение противоправных действий либо аморального поведения;
- ухудшение имиджа и репутации, утрата публичного доверия и доброго имени;
- снижение (вплоть до потери) легитимности;
- утрата власти (отставка, увольнение, смещение с должности, импичмент, лишение депутатского мандата и т.д.);
- инициирование уголовного преследования;
- наложение международных персональных санкций.

Риски политических журналистов, связанные с деятельностью политиков:

- «дружеская просьба» не публиковать какую-либо информацию, ограничить собственную расследовательскую активность;
- принуждение к определенным действиям;
- прямая и скрытая цензура;
- морально-психологическое давление;
- запугивание;
- ограничение публичной активности по месту работы (отстранение от эфиров, снятие уже подготовленных материалов, блокировка «неудобных» тем и т.д.);
- увольнение из штата редакции, лишение источника заработка;
- «выдавливание» из профессии;
- подрыв профессиональной и личной репутации;
- избирательное применение законодательства;
- уголовное преследование по сфабрикованному обвинению;
- насильственные действия (похищение, нанесение телесных повреждений);
- угрозы и насилие в отношении членов семьи и близких людей;
- убийство.

По мнению Третьякова, журналисты и чиновники — два самых безответственных профессиональных сообщества в современной России, поскольку за каждым из них стоит система, бороться с которой трудно и опасно. Журналист прикрыт тройной линией обороны: «Первая линия — его редакция или даже медиахолдинг. Вторая линия — в целом журналистская корпорация, не всегда, но очень часто защищающая „своего“. Третья, самая серьезная, линия — „священная корова“ свободы слова»¹⁶.

¹⁶ Третьяков
[Tret'jakov] 2004:
108—109.

Предпринималось немало попыток классифицировать журналистские жанры — и по формальным, и по содержательным основаниям. Очевидно, что их традиционное деление на информационные, аналитические и художественно-публицистические остается акту-

¹⁷ См. Тertychnyy [Tertychnyy] 2000.

альным¹⁷. Жанры политической журналистики принципиально не отличаются от жанров журналистики иных направлений. Классическая теория журналистики выделяла четыре журналистских жанра: информация, статья, репортаж, интервью. В современной журналистской практике их набор существенно расширился за счет подвидов основных жанров либо их комбинацией. К наиболее распространенным в современной медийной практике можно отнести такие, как: новостной материал (информация), заметка, рецензия, аналитическая статья, публицистическая статья, статья-расследование, книга-расследование, статья-рассуждение (эссе, колонка, пост или статус в блоге), экспертный комментарий, репортаж, интервью, беседа, «круглый стол», статья-досье, информационный массив (рейтинг, список «самых-самых» и т.д.), ток-шоу, фельетон, памфлет, сатирическая пародия, политический анекдот, фоторепортаж, интернет-мем, вирусное высказывание, карикатура, «фотожаба» и «демотиватор». Для современной политической журналистики не характерен жанр очерка (за исключением биографического очерка об известном или начинающем политике). Пресс-релиз и «темник» (краткое изложение предлагаемой интерпретации новостных событий) — это жанры непубличной коммуникации, направленной от политиков к журналистам для дальнейшей трансляции в журналистских материалах. Манифест следует рассматривать как жанр не журналистики, а политического текста. Надо заметить, что удельный вес новостей и иронических материалов в современной политической журналистике выше, чем в других ее видах. Зато аналитика, нацеленная не столько на информирование, сколько на анализ, прогноз и моделирование представлений о будущем, находится в кризисе.

Политические журналисты могут воздействовать на политическое пространство и политический процесс с помощью следующих методов:

- установление повестки дня (agenda-setting);
- определение моральных критериев, ценностных ориентиров, допустимых и недопустимых моделей поведения;
- поддержание легитимности власти, политического режима, политической системы в целом;
- содержательное наполнение представлений о легитимности власти, справедливости и «общем благе»;
- формирование общественного мнения;
- создание виртуальной реальности;
- обеспечение политической конкуренции;
- привлечение внимания к тем или иным важным темам и общественно значимым событиям;
- замалчивание тех или иных важных тем и общественно значимых событий;
- постановка вопросов к власти и обществу, требование ответа на них;
- искажение истинного масштаба и значения событий, явлений и политических фигур (прямая и скрытая манипуляция);

- обнаружение конфиденциальной, закрытой или неизвестной информации;
- поддержание общественной дискуссии на общественно значимые темы — о политических ценностях, стратегиях развития, историческом прошлом, «национальной идее» и т.д.;
- публичное обсуждение готовящихся и принятых политических решений;
- публикация имиджевых материалов о политиках (как позитивных, так и негативных);
- рейтингование политиков, оценка их высказываний и политических поступков.

Двойственность профессиональной природы политической журналистики и статуса политических журналистов в современной России выражается как раз в том, что в большинстве случаев воспроизводятся обе ролевые функции и идентичности этого сообщества. Журналисты одновременно являются и «слугами» — нанятыми агентами власти, которые за деньги вынуждены заниматься пропагандой, озвучивать заказанные им интерпретации происходящего, манипулировать сознанием аудитории, наделять реальность необходимыми чертами, и «демиургами» — создателями смыслов и картин реальности, способными управлять сознанием и поступками не только массовой аудитории, но и заказчиков-политиков. Одни и те же журналисты в каких-то ситуациях могут быть «слугами», а в каких-то — «демиургами».

Единственного и окончательного ответа на вопрос, что такое политическая журналистика — служба власти или манипулирование политиками, нет и быть не может. Но все возможные ответы лежат между этими двумя определениями.

Библиография

Вебер М. 1990. Политика как призвание и профессия // Вебер М. *Избранные произведения*. — М. [Weber M. 1990. *Politika kak prizvanie i professija* // Weber M. *Izbrannye proizvedeniya*. — М.].

Даль В. 1994. *Толковый словарь живого русского языка*. Т. 1. — М. [Dal' V. 1994. *Tolkovyyj slovar' zhivogo russkogo jazyka*. Т. 1. — М.].

Засурский И.И. 1999. *Масс-медиа второй республики*. — М. [Zasursky I.I. 1999. *Mass-media vtorojj respubliki*. — М.].

Маклюэн Г.М. 2003. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. — М. [McLuhan M.H. 2003. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka*. — М.].

Пархоменко С.Б. 2000. Журналистика прошлого и настоящего — две разные профессии // *Пресса в обществе (1959—2000)*. — М. [Parkhomenko S.B. 2000. *Zhurnalistika proshlogo i nastojashhego — dve raznye professii* // *Pressa v obshhestve (1959—2000)*. — М.].

Тертычный А.А. 2000. *Жанры периодической печати*. — М. [Tertychnyj A.A. 2000. *Zhanry periodicheskoy pechati*. — М.].

Тимофеева Л.Н. 2007. Власть прессы или власть над прессой: что выгодно обществу? // *Наука о человеке: гуманитарные исследования.* № 1 [Timofeeva L.N. 2007. Vlast' pressy ili vlast' nad pressoj: chto vygodno obshhestvu? // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. № 1].

Третьяков В.Т. 2004. *Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики.* — М. [Tret'yakov V.T. 2004. Kak stat' znamenitym zhurnalistom: Kurs lekcij po teorii i praktike sovremennoj russkoj zhurnalistiki. — M.].

Федеральный закон Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 5 maja 2014 goda № 97-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon „Ob informacii, informacionnykh tekhnologijakh i o zashhite informacii“ i otдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnykh setej»] (<http://www.rg.ru/2014/05/07/informtech-dok.html>).

Хартман Ф. *10 тезисов к дискуссии о возможностях теории медий в эпоху информационного общества* [Hartmann F. 10 tezisov k diskussii o vozmozhnostjakh teorii medij v ehpokhu informacionnogo obshhestva] (<http://www.gnosis.ru/media/hartus.html>).

Черных А.И. 2007. *Мир современных медиа.* — М. [Chernykh A.I. 2007. Mir sovremennykh media. — M.].

Яковенко И.А. 2014. То, что творят федеральные телеканалы, подпадает под «Нюрнберг» // *Русский Монитор.* 19.06 [Jakovenko I.A. 2014. To, chto tvorjat federal'nye telekanaly, podpadaet pod «Njurnberg» // Russkij Monitor. 19.06] (<http://mag-union.ru/?p=9048>).

Castells M. 2007. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // *International Journal of Communication.* Vol. 1. № 1.

Crozier M., Huntington S.P., Watanuki J. 1975. *The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission.* — N.Y.

Exiled Journalists, CPJ Brief US Congressional Caucus on Dangers Facing Russian Journalists. 2007 // *CPJ News Release.* 28.06.

Окончание следует